

УДК 930

DOI 10.24147/2312-1300.2023.10(1).81-88

В. С. Груздинская, Т. А. Фролова

**«НАУЧНАЯ РАБОТА ЖИВА НАУЧНЫМ ОБЩЕНИЕМ УЧЁНЫХ», или
ЗАЧЕМ СОВЕТСКИЕ УЧЁНЫЕ ЕЗДИЛИ ЗА ГРАНИЦУ В 1920–1930-е гг.?
(ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ)***

Рассматриваются проблемы и перспективы изучения международной академической мобильности отечественных учёных в 1920–1930-е гг. В центре внимания – проблема соотношения национального и интернационального в развитии советской науки межвоенного периода. Делается вывод о сосуществовании в советской научной традиции 1920–1930-х гг. двух моделей академического интернационализма.

Ключевые слова: международная академическая мобильность; заграничные командировки; мировая наука; советская наука; академический интернационализм.

«За время мировых событий, войны и революции, у всех русских учёных получился крайне тяжёлый отрыв от общеевропейской науки, грозящий стать просто роковым. За каждым из нас уже и теперь по пятам их идёт всё нарастающее “удручающее” сомнение, или лучше сказать, полная уверенность, что мировая наука сделала огромные завоевания, о которых мы здесь не имеем ни малейшего представления. Такое сознание парализует все наши работы, так как научная работа жива научным общением учёных, и мы не можем ставить себя в положение учёных, открывающих уже открытое»¹, – так объяснял своё право на заграничную командировку профессор Иркутского университета психолог-педагог М. М. Рубинштейн в ходатайстве в Наркомат просвещения (Наркомпрос) РСФСР. Учёный просил о научной поездке вместе с супругой и детьми в Соединённые Штаты, Англию и Германию на один год начиная с 1 июля 1921 г. Его обращение было преисполнено отчаяния. Угнетала учёного изолированность, которая, по его мнению, особенно тяжела в провинции, «где приходится специалистам жить в одиночестве и где нет самого необходимого в сфере

книг и учебных пособий»². Надо сказать, что такого рода трудности не определялись географическими координатами места жительства учёного – столичные исследователи страдали не меньше. Несмотря на многочисленные аргументы, Комиссия по заграничным командировкам при Наркомпросе РСФСР на августовском заседании просьбу М. М. Рубинштейна отклонила³. Причина прозаична – нехватка средств. В условиях экономической разрухи, которую переживала молодая советская республика, особенно в начале 1920-х гг., рассчитывать на массовые командировки за границу, да ещё и с компенсацией расходов, не приходилось. Одобрение или отклонение ходатайства о заграничной поездке зависело от множества условий: политические взгляды и научный статус командируемого, место его работы, благосклонность представителей органов власти и т. д. В каждом конкретном случае срабатывала своя комбинация факторов.

Желающему получить командировку за границу требовалось немало похлопотать. Сначала необходимо было заручиться поддержкой по месту службы – в вузе или в научном институте. Далее организация направ-

* Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-27.2022.2 «Международная академическая мобильность советских учёных: 1920-е – 1930-е гг.».

ляла ходатайство в Комиссию пограничным командировкам. Если организация находилась в провинции, то требовалось получить согласие местных властей. В тех случаях, когда учреждение подчинялось отраслевым ведомствам, то необходима была ещё и их резолюция. Например, поездки учёных-медиков наряду с Наркоматом просвещения курировал Наркомат здравоохранения. Зачастую документы терялись, долго передвигались по «бюрократической» лестнице и несвоевременно попадали на рассмотрение в комиссию. Несмотря на все административные проволочки и препоны, советских учёных тянуло за границу.

Зарубежные поездки для установления и поддержания научных связей, работы в иностранных архивах, библиотеках, лабораториях и музеях, выступлений с лекциями или с научными докладами были естественным явлением в интеллектуальной научной жизни дореволюционной России. Стажировки в европейских университетах считались едва ли не обязательным условием для подготовки научных кадров (см.: [1]). К началу XX в. российские учёные, активно выезжавшие за границу, стали полноправной частью мирового учёного сообщества. Сложилось единое интеллектуальное поле с развитой сетью международных научных контактов и соответствующих институций. До 1914 г. отечественные учёные принимали участие в крупнейших международных съездах и конгрессах по самым разным научным направлениям. Участвовали отечественные деятели науки и в международных коллаборациях, выстраиваемых по проблемному либо проектному принципу, например в комиссии по исследованиям Солнца (А. А. Белопольский), в совете по изданию международной библиографии по естествознанию и математике (А. С. Фаминцын), в воздухоплавательной комиссии (М. А. Рыкачев) и др.

Первая мировая война разорвала единое поле европейской науки, разделив учёных сначала по линии фронтов (на учёных стран Антанты и учёных стран Тройственного Союза), а затем на «победителей» и «побеждённых». Была переброшена политическая карта, и на осколках империй возникли государства, предлагавшие новые механизмы регулирования науки. С этого времени учёное

сообщество стало обретать более строгие национальные границы. В мировой истории остро обозначилась проблема соотношения национального и интернационального в развитии науки.

(Со)существование этих двух тенденций в истории советской науки в 1920–1930-е гг. отчасти освещено в исследовательской литературе. Историографический стереотип, будто советские учёные в межвоенный период были закованы в национальных границах, был заложен в статье Д. А. Александрова [2]. Он первым начертил путь развития отечественной науки в 1920–1930-е гг.: от включённости в мировое сообщество к изоляционизму и автаркии. На материале международной публикационной активности советских учёных автор затронул проблему коммуникативных стратегий отдельных представителей сообщества, фиксируя их включённость в мировое сообщество или «выпадение» из него. По мысли Д. А. Александрова, тенденция к научной автаркии отчётливо проявилась в 1930-е гг. и была связана не только с политическими событиями, но и с естественным стремлением советских специалистов к самодостаточности и высоким профессиональным уровнем сообщества в целом.

Несмотря на бесспорную справедливость данного утверждения, всё же не стоит его абсолютизировать. Детальное рассмотрение положения дел в конкретных научных дисциплинах заставляет современного исследователя быть осторожным при попытках генерализировать обширный фактологический материал, сведя всё к общему знаменателю. Так, в серии работ по истории психологии межвоенного периода исследователи не только не фиксируют исключение советских учёных из мирового сообщества, но, напротив, отмечают увеличение их активности – участие в научных форумах, публикации в журналах, личная и деловая переписка (см.: [3–6]). Крайне непросто, даже противоречивым, предстаёт и опыт международной академической мобильности отечественных физиков. На одной чаше весов – многочисленные стажировки молодых учёных, которые спустя очень короткое время впишут свои имена в историю мировой науки: Л. Д. Ландау, Г. А. Гамов, И. Е. Тамм, Ю. Б. Румер. Они поддерживали тесные кон-

такты с ведущими европейскими физиками – Э. Резерфордом, М. Борном, Н. Бором, В. Гейзенбергом и др. [7]. На другой – зависимость от «милости» советского руководства и определяемых им нужд государства. Ярким примером служит запрет П. Л. Капице выехать из СССР в начале сентября 1934 г. Учёный в течение 13 лет проживал в Англии, где работал в Кавендишской лаборатории Э. Резерфорда (Кембридж). Теперь же он должен был творить на благо родины и партии [8]. В подобной ситуации оказался и ботаник Н. И. Вавилов, за научными экспедициями которого в 1920-е – начале 1930-х гг. следило всё мировое сообщество. Серия его блистательных поездок была прервана в 1934 г., когда политбюро ЦК ВКП(б) отклонило его просьбу организовать экспедицию в Турцию.

Попытки подняться над событийной и контекстуальной канвой и представить целостную концепцию развития академического интернационализма предпринял А. Н. Дмитриев [9; 10]. На примере заграничной «аспирантуры» будущих российских профессоров им был прослежен механизм организации зарубежных поездок накануне Первой мировой войны. Полученные результаты позволили историку провести параллели с организацией заграничных командировок учёных в первое десятилетие советской власти. Автор отметил не только численное сокращение таких поездок, но и их локализацию преимущественно на Германию.

Что если перенастроить оптику исследования и задаться вопросами: как трансформировалась академическая мобильность учёных «старой» школы в первые десятилетия советской власти? менялись ли у них представления об «учёной загранице»? Иной ракурс рассмотрения обещает исследователю весьма любопытные выводы. Особенно ярко это прослеживается на примере отечественных естественников. Со второй половины XIX в. они имели тесные научные связи с коллегами из Пастеровского института в Париже. До революции российские биологи и химики неоднократно стажировались в лабораториях этого учреждения. Примечательно, что контакты с институтом сохраняются и после окончания Первой мировой войны. Так, в 1923 г. микробиолог, иммунолог, ди-

ректор Государственного контрольного института сывороток и вакцин Л. А. Тарасевич ездил во Францию на празднование 100-летия со дня рождения Луи Пастера⁴. С Институтом его связывала долгая дружба, уходящая корнями в 1900-е гг. В 1920-е гг. он не раз посещал Институт во время своих зарубежных командировок и оставил тёплые воспоминания об этих визитах: «Пастеровский институт в течение всего времени, что я его знаю, т. е. в течение почти 30 лет, по существу мало изменился. Старый пастеровский дух остаётся в нём и останется до тех пор, пока жив его носитель – доктор Ру, который умеет хранить лучшие научные традиции»⁵.

Применительно к советской ситуации проблема национального и интернационального усугублялась ещё и внутренними разломами на науку марксистски / материалистически ориентированную и «старую буржуазную». Международному научному сообществу транслировались две конкурирующие модели науки. Поэтому следует говорить и бытовании двух моделей академического интернационализма.

Главным олицетворением «старой» дореволюционной науки в 1920-е гг. стала Академия наук. Её представители в эти годы, с одной стороны, пытаются «обжиться» в новой социальной и политической реальности, выстраивая диалог с властью большевиков. Академия наук активно отстаивает право на автономию, что проявилось, в том числе, и в решении вопросов о заграничных командировках, их финансировании и сроках⁶. За границу выезжали также и представители дореволюционной профессуры, преподававшие в 1920-е гг. в советских вузах.

Ответ на вопрос, зачем была нужна заграничная командировка, в заявлениях этих учёных звучал по-разному. Это и ставшие традиционными «работа в библиотеках, архивах, лабораториях» (см.: [12–14]). Просили и о командировках в бывшие части Российской империи, например в Польшу, Латвию и Финляндию. Дело в том, что в этих регионах некоторые учёные до революции владели домами, квартирами, в которых остались редкие библиотеки, необходимые для научных исследований рукописи. В частности, об этом ходатайствовал профессор Саратовского университета филолог А. Н. Сиротинин.

Учёный просил: «дать на месяц или на два заграничную командировку, чтобы мог я получить свои книги и доставить их Университету. Это помогло бы мне ликвидировать и мои личные дела в Варшаве»⁷. Геолог В. Н. Леман ходатайствовал о командировке в Финляндию, чтобы вывезти личную коллекцию горных пород, а также найти жену и малолетнюю дочь⁸.

Обосновывалась необходимость зарубежной поездки и «производственными» нуждами – закупка лабораторного оборудования, приобретение научной и учебной литературы. В мае 1921 г. на заседании Комиссии по заграничным командировкам была одобрена трёхмесячная командировка профессору филологического факультета Донского университета В. А. Францеву. Он был командирован в «славянские земли» (именно так в официальных документах было определено место командирования, на практике учёный отправился в Чехословакию, где и остался до конца дней). Вот как аргументировалась необходимость этой поездки в ходатайстве университета: «Ввиду полного отсутствия в библиотеке Университета книг по славянской филологии и связанной с этим ненормальной постановкой дела преподавания разнообразных дисциплин этого предмета (языкознания, истории, истории славянской литературы, этнографии и пр.) и необходимости скорейшего устранения тех недостатков и затруднений, с которыми связано преподавание всех представителей этой кафедры, ходатайствовать перед Советом о разрешении профессору Францеву указанной командировки с пособием»⁹.

Для формирующейся марксистской научной традиции зарубежные поездки также были не чужды. Их командировали за границу с целью презентации достижений молодой советской науки на международных форумах. К таковым можно отнести участие историков-марксистов из СССР в Международных научных конгрессах исторических наук в Осло в 1928 г.¹⁰ и в Варшаве в 1933 г.¹¹, Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 г.¹² Возобновляются и учебные стажировки за границу. Первая группа студентов-экономистов Института красной профессуры (ИКП) была отправлена в Европу в 1923 г.¹³ В сле-

дующие годы данная практика становится масштабнее: не только увеличивается количество стажёров, но и расширяется круг делегировавших их учреждений, что логично вытекало из проводимой советским руководством научной политики. В 1926 г. Наркомпрос РСФСР приписывал квоты для молодых специалистов. Так, институты РАНИОНа получили следующую рекомендацию: «при предоставлении заявок необходимо иметь ввиду командирование молодых учёных (преподавателей, ассистентов, закончивших аспирантов, не менее чем 50 % всего количества командировок»¹⁴. Аналогичный документ был спущен и в Академию наук СССР¹⁵.

Слушатели ИКП находились в привилегированном положении, даже по сравнению с сотрудниками марксистских научных центров. Нередко «икаписты» получали возможность заграничных командировок ещё во время обучения или сразу после получения диплома. Например, в 1925 г. историк А. М. Панкратова посетила Францию для сбора материала по теме «Левое крыло Амстердамского Интернационала и борьба за единство мирового профдвижения», в 1927 г. историки А. Л. Сидоров и Н. Л. Рубинштейн были командированы на 3 месяца в Германию для работы в местных архивах и библиотеках.

Активность поездок марксистских кадров связана и с интенциями самой власти, транслировавшей идею мировой революции. В этом плане показательны поездки Д. Б. Рязанова, директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса, в Германию для формирования документальной памяти о мировом революционном движении.

Завершая свои размышления, отметим, что «замыкание» в национальных дисциплинарных границах сообществ, согласно современным исследователям, относится к началу Второй мировой войны. Автаркия советской науки объясняется в русле мобилизационной теории, согласно которой изоляционизм – результат усилий государства, использовавшего интеллектуальный ресурс учёных в своих целях. Заметим, что данное утверждение справедливо не только для советской науки, применимо оно и к научной истории ряда других европейских стран. При этом государственные границы и политические разногласия не всегда оказывались не-

преодолимыми. Личные контакты между учёными поддерживались, хотя их интенсивность во второй половине 1930-х гг. стала сокращаться. Представители мирового учёного сообщества сохраняли и память о «республике учёных» как высшем идеале, что не раз звучало в ходе празднования 220-летия Академии наук СССР в июне 1945 г. (см.: [15]). После окончания Второй мировой войны в советской науке две силы – национальное и интернациональное – будут уравновешены, а разделяющая их грань будет тонкой. Своего рода их «смычкой» станет научный капитал профессоров «старой» школы, который окажется востребованным и корпорацией, и властью. Правда, миг сближения долго не продлится, и на стыке национального и интернационального в конце 1940-х гг. зародится новый феномен – «социалистическая наука».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 65.

² Там же.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Архив РАН (АРАН). Ф. 1538. Оп. 3. Д. 64.

⁵ *Тарасевич Л. А.* Из заграничных впечатлений // Научный работник. – 1926. – № 4. – С. 67.

⁶ Наиболее отчётливо эта деятельность прослеживается на материалах созданной в 1926 г. Комиссии содействия работам АН СССР при СНК СССР, см.: [11].

⁷ ГАРФ. Ф. 2307. Оп. 2. Д. 544. Л. 133.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же. Л. 16.

¹⁰ АРАН. Ф. 1549. Оп. 2. Д. 32.

¹¹ АРАН. Ф. 359. Оп. 1. Д. 241.

¹² АРАН. Ф. 350. Оп. 1. Д. 411.

¹³ ГАРФ. Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 2. Л. 107.

¹⁴ ГАРФ. Ф. А-4655. Оп. 2. Д. 50. Л. 10.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-8429. Оп. 1. Д. 94. Л. 120.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свешников А. В.* Правительственная политика в сфере зарубежных командировок русских учёных второй половины XIX – начала XX века // Расписание перемен. Очерки истории образовательной и научной политики в Российской империи – СССР (конец 1880-х – 1930-е годы). – М., 2012. – С. 849–887.
2. *Александров Д. А.* Почему советские учёные перестали печататься за рубежом: становление самодостаточности и изолированности отечественной науки. 1914–1940 // Вестник истории естествознания и техники. – 1996. – № 3. – С. 3–24.
3. *Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: зарубежные конференции 1920–1930-х гг. // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 101–112.
4. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Учёные, «импорт-экспорт» в науке и власть // Вопросы психологии. – 2011. – № 6. – С. 108–121.
5. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей // Вопросы психологии. – 2012. – № 2. – С. 66–79.
6. *Артемова О. А., Синева О. В.* Международная научная коммуникация в развитии научно-практических течений отечественной психологии в первой половине XX века // Психология и психотехника. – 2018. – № 3. – С. 39–48.
7. *Усанов Д. А., Аникин В. М.* Шестой съезд русских физиков в Саратове (15 августа 1928 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Физика. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 153–161.
8. *Есаков В. Д.* Почему П. Л. Капица стал невыездым? // Вестник РАН. – 1997. – Т. 67, № 6. – С. 543–553.
9. *Дмитриев А. Н.* От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. – СПб., 2007. – С. 32–55.
10. *Дмитриев А. Н.* Заграничная «аспирантура» как институт подготовки российских профессоров накануне Первой мировой войны // Профессорско-преподавательский корпус российских университетов. 1884–1917 гг. : исслед. и док. – Томск, 2012. – С. 65–76.
11. *Груздинская В. С.* Заграничные командировки по-советски: диалог учёного сообщества и власти в 1920-е годы (по материалам Комиссии содействия работам Академии наук СССР) // Проблемы деятельности учёных и научных коллективов : междунар. ежегодник. – СПб., 2022. – Вып. 8. – С. 12–21.
12. *Гришина Н. В.* «...Возможность проехать и подышать западноевропейским воздухом»: взаимоотношения науки и власти в сфере заграничных командировок в 1920-е гг. // Вестник Томского университета. История. – 2018. – № 51. – С. 28–36.
13. *Долгова Е. А.* Зарубежные командировки научных работников в 1920-е гг.: риторика и политические оценки // Время Коминтерна : материалы Междунар. науч. конф. к 100-летию Коммунист. Интернационала. – М., 2020. – С. 157–168.

14. Земляков М. В., Селиванов О. В. «Аграрную историю надо изучать не по книгам, но ногами»: воспоминания В. М. Лавровского о Е. А. Косминском и их научной командировке в Англию в 1925–1926 годов // Средние века. – 2021. – № 1. – С. 117–139.
15. Груздинская В. С., Корзун В. П. «Наука не имеет Отечества: этот лозунг и верен и нет» (отклики иностранных учёных на 220-летний юбилей Академии наук СССР) // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 472. – С. 85–94.

Сведения об авторах

Груздинская Виктория Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия), доцент Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова (Сеченовский университет) (Москва, Россия), старший научный сотрудник Архива Российской академии наук (Москва, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: vik11910314@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 895182

ORCID: 0000-0002-9533-9861

WoS ResearcherID: B-7752-2019

Информация о статье

Дата поступления
24 декабря 2022 г.

Дата принятия в печать
17 января 2023 г.

Для цитирования

Груздинская В. С., Фролова Т. А. «Научная работа жива научным общением учёных», или Зачем советские учёные ездили за границу в 1920–1930-е гг.? (Проблемы и перспективы изучения) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10, № 1 (37). С. 81–88. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).81-88.

Фролова Татьяна Александровна – младший научный сотрудник Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского (Омск, Россия)

Адрес для корреспонденции: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: frolova.tatiana94@yandex.ru

РИНЦ AuthorID: 1157877

V.S. Gruzdinskaya, T.A. Frolova

“SCIENTIFIC WORK LIVES ON IN THE SCIENTIFIC COMMUNITY OF SCIENTISTS”, or WHY DID SOVIET SCIENTISTS GO ABROAD? (HISTORIOGRAPHICAL REFLECTIONS)

The article deals with the problems and prospects of studying the international academic mobility of Russian scientists in the 1920s-1930s. The authors focus on the problem of the correlation between the national and the international in the development of Soviet science in the interwar period. In relation to the Soviet situation, the problem of the national and the international was further aggravated by internal rifts into Marxist / materialistically oriented science and the “old bourgeois”. Two competing models of science were broadcast to the international scientific community, which makes it possible to speak of the existence of two models of academic internationalism. The closure of the national disciplinary boundaries of communities, according to modern researchers, refers to the beginning of the Second World War. The autarchy of Soviet science is explained in line with the mobilization theory, according to which isolationism is the result of the efforts of the state, which used the intellectual resource of scientists for its own purposes. Note that this statement is true not only for Soviet science, it is also applicable to the scientific history of a number of other European countries. At the same time, state borders and political differences were not always insurmountable.

Keywords: international academic mobility; foreign assignments; world science; Soviet science; academic internationalism.

REFERENCES

1. Sveshnikov A.V. Pravitel'stvennaya politika v sfere zarubezhnykh komandirovok russkikh uchenykh vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Government policy on the foreign business trips of Russian scientists in the second half of the 19th and early 20th century]. *Raspisanie peremen. Ocherki istorii obrazovatel'noi i nauchnoi politiki v Rossiiskoi imperii – SSSR (konets 1880-kh – 1930-e gody)* [Timetable for Change. Essays on the History of Education and Science Policy in the Russian Empire – USSR (late 1880s – 1930s)], Moscow, 2012, pp. 849-887. (in Russian).
2. Aleksandrov D.A. Pochemu sovetskie uchenye perestali pechatat'sya za rubezhom: stanovlenie samodostatochnosti i izolirovannosti otechestvennoi nauki. 1914–1940 [Why Soviet scientists stopped publishing abroad: the formation of self-sufficiency and isolation of domestic science. 1914-1940]. *Vestnik istorii estestvoznaniya i tekhniki* [Bulletin of the history of natural science and technology], 1996, no. 3, pp. 3-24. (in Russian).
3. Yasnitskii A. Ob izolyatsionizme sovetskoi psikhologii: zarubezhnye konferentsii 1920–1930-kh gg. [On the Isolationism of Soviet Psychology: Foreign Conferences of the 1920s and 1930s]. *Voprosy psikhologii* [Psychological issues], 2010, no. 3, pp. 101-112. (in Russian).
4. Yasnitskii A. Izolyatsionizm sovetskoi psikhologii? Uchenye, “import-eksport” v nauke i vlast' [Isolationism of Soviet psychology? Scientists, “import-export” in science and power]. *Voprosy psikhologii* [Psychological issues], 2011, no. 6, pp. 108-121. (in Russian).
5. Yasnitskii A. Izolyatsionizm sovetskoi psikhologii? Intellektual'naya istoriya kak migratsiya, transformatsiya i tsirkulyatsiya idei [Isolationism of Soviet psychology? Intellectual history as the migration, transformation and circulation of ideas]. *Voprosy psikhologii* [Psychological issues], 2012, no. 2, pp. 66-79. (in Russian).
6. Artemova O.A., Sineva O.V. Mezhdunarodnaya nauchnaya kommunikatsiya v razviti nauchno-prakticheskikh techenii otechestvennoi psikhologii v pervoi polovine XX veka [International scientific communication in the development of scientific and practical currents of domestic psychology in the first half of the 20th century]. *Psikhologiya i psikhotekhnika* [Psychology and psychotechnics], 2018, no. 3, pp. 39-48. (in Russian).
7. Usanov D.A., Anikin V.M. Shestoi syezd russkikh fizikov v Saratove (15 avgusta 1928 g.) [Sixth Congress of Russian Physicists in Saratov (15 August 1928)]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Fizika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Physics], 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 153-161. (in Russian).
8. Esakov V.D. Pochemu P.L. Kapitsa stal nevyezdnyy? [Why did P.L. Kapitsa become a no-go?]. *Vestnik RAN* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences], 1997, vol. 67, no. 6, pp. 543-553. (in Russian).
9. Dmitriev A.N. Ot akademicheskogo internatsionalizma k sisteme natsional'no-gosudarstvennoi nauki [From academic internationalism to a system of nation-state science]. *Nauka, tekhnika i obshchestvo Rossii i Germanii vo vremya Pervoi mirovoi voyny* [Science, technology and society in Russia and Germany during the First World War], St. Petersburg, 2007, pp. 32-55. (in Russian).
10. Dmitriev A.N. Zagranichnaya “aspirantura” kak institut podgotovki rossiiskikh professorov nakanune Pervoi mirovoi voyny [Foreign “post-graduate courses” as a training institution for Russian professors on the eve of the First World War]. *Professorsko-prepodavatel'skii korpus rossiiskikh universitetov. 1884–1917 gg.* [Professorial Teaching Corps of Russian Universities. 1884-1917], Research and Documents, Tomsk, 2012, pp. 65-76. (in Russian).
11. Gruzinskaya V.S. Zagranichnye komandirovki po-sovetski: dialog uchenogo soobshchestva i vlasti v 1920-e gody (po materialam Komissii sodeistviya rabotam Akademii nauk SSSR) [Soviet-style business trips abroad: A dialogue between the scientific community and the authorities in the 1920s (based on materials from the Commission for Assistance to the Work of the Academy of Sciences of the USSR)]. *Problemy deyatel'nosti uchenykh i nauchnykh kolektivov* [Challenges for scientists and research teams], international yearbook, Iss. 8, St. Petersburg, 2022, pp. 12-21. (in Russian).
12. Grishina N.V. “...Vozmozhnost' proekhat'sya i podyshat' zapadnoevropeiskim vozdukhom”: vzaimootnosheniya nauki i vlasti v sfere zagranichnykh komandirovok v 1920-e gg. [“...An opportunity to travel and breathe the air of Western Europe”: the relationship between science and power in the field of business trips abroad in the 1920s]. *Vestnik Tomskogo universiteta. Istoriya* [Bulletin of Tomsk University. History], 2018, no. 51, pp. 28-36. (in Russian).
13. Dolgova E.A. Zarubezhnye komandirovki nauchnykh rabotnikov v 1920-e gg.: ritorika i politicheskie otsenki [Academic travel abroad in the 1920s: rhetoric and political evaluations]. *Vremya Komintern* [The time of the Comintern], proceedings of international scientific conferences on the occasion of the 100th anniversary of the Communist International, Moscow, 2020, pp. 157-168. (in Russian).
14. Zemlyakov M.V., Selivanov O.V. “Agrarnuyu istoriyu nado izuchat' ne po knigam, no nogami”: vospominaniya V.M. Lavrovskogo o E.A. Kosminskom i ikh nauchnoi komandirovke v Angliyu v 1925–1926 godov [“Agrarian history must be studied not by books, but by feet”: V.M. Lavrovsky's memoirs of

- E.A. Kosminsky and their scientific mission to England in 1925–1926]. *Srednie veka* [Middle Ages], 2021, no. 1, pp. 117-139. (in Russian).
15. Gruzdinskaya V.S., Korzun V.P. “Nauka ne imeet Otechestva: etot lozung i veren i net” (otkliki inostrannykh uchenykh na 220-letnii yubilei Akademii nauk SSSR) [“Science has no Fatherland: this slogan is true and not” (responses of foreign scientists to the 220-year anniversary of the Academy of Sciences of the USSR)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk University], 2021, no. 472, pp. 85-94. (in Russian).
-

About the authors

Victoria S. Gruzdinskaya – PhD in Historical Sciences, Researcher of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia), Associate Professor of the First Moscow State Medical University named after Sechenov (Sechenov University) (Moscow, Russia), Researcher of Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: vik11910314@yandex.ru

RSCI AuthorID: 895182

ORCID: 0000-0002-9533-9861

WoS ResearcherID: B-7752-2019

Tatyana A. Frolova – Junior Researcher of Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: frolova.tatiana94@yandex.ru

RSCI AuthorID: 1157877

Article info

Received
December 24, 2022

Accepted
January 17, 2023

For citations

Gruzdinskaya V.S., Frolova T.A. “Scientific Work Lives on in the Scientific Community of Scientists”, or Why did Soviet Scientists go Abroad? (Historiographical Reflections). *Herald of Omsk University. Series “Historical Studies”*, 2023, vol. 10, no. 1 (37), pp. 81-88. DOI: 10.24147/2312-1300.2023.10(1).81-88 (in Russian).